

СТЕПАНОВ Евгений Николаевич,

доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка

Одесского национального университета имени И. И. Мечникова;

Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; тел.: +38 0964966406;

e-mail: rus_lang@onu.edu.ua; ORCID ID: 0000-0002-5441-9822; SPIN-код 8665-0882

СЦЕНАРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. *Цель* данной работы — определить черты, общие для фразеологических единиц, которые возникают на основе местных / региональных сценариев и функционируют в территориально ограниченных локусах распространения русского языка. Кроме того, автор сделал попытку установить зависимость прецедентности фразеологизма от хронотопа как закономерной связи пространственно-временных координат, а также охарактеризовать особенности функционирования местных фразеологизмов в локусах, разных по признаку доминирующего в них социального и / или профессионального статуса русскоговорящего населения: в городе и селе. **Объектом** изучения стали региональные фразеологические единицы, **субъектом** — региональные сценарии, порождающие прецедентные феномены, которые дают начало фразеологизации содержащих их единиц. **Результатом** данного исследования стало установление таких основных черт региональных фразеологизмов: территориальная ограниченность функционирования; трудности понимания значения носителями русского языка как родного, проживающими в других регионах; способность распространяться на другие территории и входить в общенациональный русский язык. **Выводы** указывают на непосредственную связь понятия прецедентного феномена в лингвистике с понятиями доминанты и хронотопа. С изменением доминанты восприятия процесса, действия, предмета, признака рождаются предпосылки к возникновению новых прецедентных феноменов и устареванию уже существующих. По мере распространения ПФ в коммуникативном пространстве искажаются сценарии их возникновения и стирается зависимость их функционирования от первичных сценариев. Проходя рубеж этой зависимости, фразеологизм как лингвосемиотический феномен синхронизируется в речи, теряет связь с прошлыми сценариями и ориентируется на семантическую сочетаемость в том или ином дискурсе.

Ключевые слова: региональный фразеологизм, прецедентный сценарий, прецедентный феномен, русская речь, городская речь, диалект, лингвокультурный.

Постановка проблемы. Накопив к концу XX в. определённую сумму исторических, формальных и социальных знаний о языке, лингвистическая наука получила возможность в центр своих исследований поставить человека как модус существования языка, как создателя и интерпретатора языка в процессе коммуникативной деятельности. Антропоцентризм новейших лингвистических исследований открывает пути развития идей В. Гумбольдта о языке как посреднике между внешним миром явлений и внутренним миром человека, И. А. Бодуэна де Куртенэ — о существовании языка только в индивидуальной психике его носителей, составляющих языковое сообщество [16, с. 34], Э. Бенвениста — о каналах «присвоения языка говорящим», Ю. С. Степанова — о лингвистике как науке о языке в человеке и о человеке в языке, Б. А. Серебrenникова — о роли человеческого фактора в языке.

В связи со сменой исследовательских приоритетов в центре исследований в области регионалистики оказываются когнитивные, психолингвистические, лингвокультурологические, этнолингвистические проблемы языковой практики человека в конкретном месте его проживания: городе, селе, регионе. Изучается языковая личность жителя того или иного населённого пункта, региона, языковая картина мира этой личности либо коллектива людей, проживающих в том или ином регионе и обладающих знаниями местных сценариев. В этой связи открываются перспективы исследования регионального и городского текстов, идиостилистики их создателей, процессов порождения новых сценариев, способствующих порождению специфических смыслов и речевых форм в коллективном коммуникативном пространстве региона.

Связь со смежными проблемами. Проблема, рассматриваемая нами в данной работе, сопрягается с разработкой разных вопросов фразеологии и паремиологии, лингвокультурологии и прецедентной феноменологии, истории языка и лексикографии, диалектологии и социолингвистики, лексикологии и синтаксиса. Наиболее близкой, а по некоторым признакам совместной с региональной фразеологией оказывается диалектная фразеология. В русистике известно несколько поколений исследователей, по крупицам собиравшим и изучавшим диалектные фразеологизмы. В первую очередь, следует отметить систематизированное предствление В. И. Далема диалектных и региональных фразеологизмов в Толковом словаре живого великорусского языка. Словарь Даля до сих пор является ценнейшим источником исследуемых многими учёными фразеологических единиц разных регионов распространения русского языка. Имеется также больше десятка других лексикографических источников: областных и региональных фразеологических словарей орловских, новгородских, вятских, архангельских, пермских, приобских, томских, прибайкальских, амурских, могилёвско-смоленских, подольских, буковинских и некоторых других русских говоров [напр.: 7; 8; 9; 19]. Заслуживают внимания монографические и диссертационные исследования Е. В. Брысиной, А. С. Данилевской, Л. А. Ивашко, И. А. Кобелевой, И. А. Подюкова [2; 4; 5; 6; 10], в которых рассмотрены культурно-семантический, этнокультурный, когнитивный, лексико-грамматический, лексикографический аспекты диалектной фразеологии. Сотни статей, в которых описаны результаты частных исследований в этой области, опубликованы в десятках авторитетных научных журналах и сборниках.

В то же время, монографические исследования региональной фразеологии, когда под регионом подразумевается не только территориальный диалект, но и городское койне либо региолект / территориальное койне, в русистике сегодня отсутствуют. Исходя из этого, мы выдвигаем следующие задачи.

Постановка задач исследования. *Цель* данной работы — определить черты, общие для фразеологических единиц, которые возникают на основе местных / региональных сценариев и функционируют в территориально ограниченных локусах распространения русского языка. Кроме того, мы попытаемся установить зависимость прецедентности фразеологизма и хронотопа как закономерной связи пространственно-временных координат, а также охарактеризовать особенности функционирования местных фразеологизмов в локусах, разных по признаку доминирующего в них социального и / или профессионального статуса русскоговорящего населения: в сельской местности и большом городе. *Объектом* изучения стали региональные фразеологические единицы, *субъектом* — региональные сценарии, порождающие прецедентные феномены, которые дают начало фразеологизации содержащих их единиц.

Изложение основного материала. Наше изучение проблемы соотношения коммуникативной глобальности и коммуникативной самобытности показывает, что глобализационные процессы не уничтожают, а переформируют систему стратификационной и ситуативной вариативности языка в структурном и содержательном аспектах. Недостатком большинства современных лингвокультурных исследований является их преимущественная ориентация на коммуникативные особенности национально-культурного пространства, культурно-национальный опыт и традиции определённой языковой общности. Изучение факторов формирования прецедентности имени, ситуации, высказывания, текста, социолингвистические закономерности функционирования языка в языковом коллективе заставляют усомниться в необходимости такого ограничения. Мы считаем, что понятие прецедентного феномена (далее — ПФ) в лингвистике непосредственно связано с разработанными А. А. Ухтомским в I-ой четверти XX в. учениями о доминанте как устойчивом очаге повышенной возбудимости нервных центров и хронотопе как закономерной связи пространственно-временных

координат [17, с. 347]. В контексте человеческого восприятия «с точки зрения хронотопа, существуют... не отвлечённые точки, но живые и неизгладимые из бытия события» [17, с. 342]. Тот или иной сценарий поведения человека либо группы людей становится прецедентным на основе устойчивого доминирующего представления о чём-либо в рамках определённого хронотопа. С изменением доминанты восприятия в представлении человека или группы людей о том или ином процессе, действии, предмете, признаке появляются предпосылки к возникновению новых ПФ и устареванию уже существующих. Однако пространство, на котором успел распространиться ПФ, бывает различным. Процесс устаревания универсальных, межнациональных и национально-прецедентных феноменов намного длиннее во времени, чем процесс устаревания региональных, социумных [15] и, тем более, семейных ПФ. Мы связываем это с тем, что по мере распространения ПФ в коммуникативном пространстве постепенно происходит искажение сценариев их возникновения и стирание зависимости функционирования ПФ от первичных сценариев. Именно поэтому многие современные фразеологизмы, возникшие несколько веков назад и прошедшие путь от социумных и региональных ПФ к национальным, продолжают широко использоваться носителями русского языка вне связи с первичными сценариями. Проходя рубеж такой зависимости, фразеологизм как лингвосемиотический феномен синхронизируется в речи, теряет очевидную в диахронии связь с прошлыми сценариями и ориентируется на семантическую сочетаемость в том или ином дискурсе.

Лингвокультурное пространство разных регионов формируется по-разному в социальном, этническом, географическом, историческом планах на протяжении разного времени. Так, любой большой город является экономическим и культурным центром того или иного региона. История основания, заселения, развития города, жизнь, традиции, экономические, профессиональные предпочтения его жителей, особенности климата и географического положения, поведение горожан в периоды социальных катаклизмов воздействуют на лингвокультурное пространство самого города и окружающего его региона, формируя прецедентные феномены, в том числе фразеологизмы. Фразеосистема региональной речи состоит из двух больших блоков: общеупотребительного и подсистемного, который придаёт своеобразие этой фразеосистеме. Онтологические особенности хозяйственной деятельности, моноэтнической монолингвистичной или полиэтнической многоязычной культуры влияют на своеобразие использования определённых донорских и реципиентных концептосфер в процессе образования и трансформации фразеологизмов.

Нам представляется, что основные черты фразеологических единиц (далее — ФЕ), которые возникают на основе местных / региональных сценариев и функционируют в территориально ограниченных локусах, таковы:

- 1) функционирование русских региональных фразеологизмов является территориально ограниченным;
- 2) адекватное понимание семантики регионального фразеологизма носителями русского языка как родного, проживающими в других регионах, весьма затруднено;
- 3) русские региональные фразеологизмы способны распространяться на другие территории, войти в общенациональный язык и заимствоваться.

Сравним примеры фразеологических одессизмов и питеризмов. К ним мы относим те, основой для создания которых являются прошлые или сегодняшние реалии разных сфер жизни Одессы, Санкт-Петербурга и окружающих их регионов. Среди этих ФЕ находим устойчивые словосочетания, сравнительные обороты, пословицы, поговорки, афоризмы, проклятия. Регионом функционирования некоторых из них постепенно стали не только Одесса или Санкт-Петербург, чему способствует творчество писателей, режиссёров, актёров. Часто такие ФЕ содержат компонент с локативными семами 'одесский' / 'петербургский'. В разных ФЕ эти семы могут быть яркими или слабыми. Например: (1) *...Вся моя жизнь проходит на «одесском фоне»* [11, с. 277]. *На одесском фоне* — «в Одессе». (2) *Когда за бюстгальтером «одесского размера» приходила очередная клиентка, Нилина мать весело подмигивала...* [11, с. 343]. *Бюстгальтер одесского размера* — «бюстгальтер большого (5–6) размера». (3) *Одесские панамы* — (в нач. XX в.) «крупные денежные аферы, экономические преступления, совершавшиеся в Одессе» и ряд гипонимов: *железнодорожная панاما, таможенная панاما, марочная панاما, почтовая панاما, водочная панاما, врачебная панاما, мыльная панاما, отпускная панاما, паспортная панاما, сахарная панاما* [18, с. 345–349]. Во 2-й пол. XX в. на основе метонимии возник новый фразеологизм *одесские панамы* — ¹«курортники»; ²«курортный сезон в Одессе». (4) *В Питере все углы шиты* [12, с. 26]. Питейные заведения на многих людных улицах С.-Петербурга к началу XX в. принадлежали семье Вильгельма (Василия) Шитта. В основе поговорки паронимазия: глагол *шить* паронимичен фамилии *Шитт*. (5) *Пойдёт в Питер с котомочкой, а придёт домой с ребёночком* [12, с. 186]. — О драматических судьбах многих крестьянок, уходивших в столицу на заработки в XIX–XX вв. Эта пословица актуальна и сегодня. (6) *В Питере не пьют только четыре человека [У них руки заняты. Они коней держат]* [12, с. 29]. — О репутации Петербурга как города, в котором пьют много алкоголя. В ФЕ указывается на отсутствие такой возможности только у статуи юношей на Аничковом мосту.

Яркими семами 'одесский' и 'петербургский' обладают не только родственные названия городов слова, а хорошо известные как языковые визитки этих городов урбанотопонимы (годонимы, эргони-

мы) и производные от них слова. Напр., в Одессе: *аристократы Молдаванки* — «авторитетные бандиты, воры»; *боженята пересыпские* — «обычно мелкие хулиганы и воришки с одесской Пересыпи». О старых одесских окраинах Молдаванке и Пересыпи неодесситам хорошо известно из популярной песни «Шаланды, полные кефали...». Названия этих районов Одессы ассоциируются, как правило, с самим городом. Даже в небольшом городке Ланьцуте (Łańcut) в польской Галиции в 2003 г. автору довелось услышать и увидеть, как пожилые поляки в пивной приветствовали друг друга этой песней. Широко за пределами Одессы известен одесский рынок «Привоз». Этот эргоним встречаем в ряде одесских регионализмов: *для Привоза / не для Привоза* — «на продажу, для продажи / не для продажи, для себя» (например, выращенные овощи, фрукты, поросята, куры, приготовленные сливки, брынза, масло и др.); *отвлечься с дачи на Привоз* — «заняться пополнением съестных припасов во время загородного отдыха»; *Привоз большой* — «смогу купить в другом месте» (в ситуации торга покупателя с продавцом); *я (ты...) с Малой Арнаутской* — «я (ты...) стреляный воробей» [улица Малая Арнаутская имеет в Одессе ярко выраженный культурный фон, описанный в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова, Р. Александрова, В. Катаева и др.]; *Идёт, как по Дерибасовской!* — «(идёт) медленно, вразвалочку»; *оказаться / вылечиться на полях орошения* — «быть убитым» [Поля орошения — болотистая местность между Хаджибейским лиманом и застроенной частью Пересыпи, где располагается первая в Одессе станция очистки сточных вод; убийцы издавна использовали камыши Полей орошения как надёжное место захоронения своих жертв]; *дать отскок на три франзоли* — «не дать себя в обиду». Этот фразеологический одессизм пропозиционально-диктумного типа мотивации содержит лексический одессизм *франзоля* [14, с. 264–266]. *Отскок* (=«отпор») — просторечный дериватив, образованный способом усечения основы от глагола *отскакивать*. В Петербурге: *пока «Аврора» не выстрелит* — питерский аналог национально-прецедентных *пока гром не грянет* — ..., *пока жареный петух в зад не клюнет* — *мужик не перекрестится*; *точно, как из пушки* — от традиции ежедневного сигнального выстрела из вестовой пушки, производимого с Нарышкина бастиона Петропавловской крепости ровно в 12 часов дня. Возникла эта традиция в 1856 г., когда в Петербург начали поступать по телеграфу сигналы точного времени из Пулковской обсерватории; *шлифовать тротуары Невского проспекта / шлифовать невские мостовые* — «шляться; беспечно и праздно шататься»; *пригласить на Чёрную речку* — ¹эвфемизм прямого вызова на боевой поединок; ²метафорическое требование немедленных объяснений по поводу неблагоприятного поступка, непорядочности [Чёрная речка — место дуэли Пушкина и Дантеса в 1837 г.]; *бросаться в объятия красавицы-Невы* — ¹«использовать невскую воду»; ²«зарабатывать на “дарах Невы”, вылавливая из неё полезные находки»; ³«окупаться на Крещение в Иордань, вырубая в невском льду перед Зимним дворцом»; *каждому поколению своя блокада* — о трудной жизни петербуржцев в кризисные 1990-е годы; *шпана лиговская, чухна парголовская* — названия представителей преступного мира Петербурга по территориальному признаку их обитания (районы Лиговского проспекта и Парголово); *лекарь — из-под Литейного моста аптекарь* — о враче, который не лечит, а калечит [ФЕ основана на легенде о курсантах Военно-медицинской академии; кроме того, старинное здание петровской клиники для инвалидов со стороны выглядит так, будто оно находится под Литейным мостом]; *Блаженная Ксения поможет* — совет попросить помощи у Святой Ксении Петербургской.

Ряд ФЕ, появляющихся в отдельном городе, нередко проникают в национально-лингво-культурное пространство. Например, московские *во всю Ивановскую*; *коломенская верста*, одесское *две большие разницы*, питерские *всякий сам себе Исаакий*; *сездить в Ригу*; *под одну гребёнку*; *почём фунт лиха* и многие другие. В основе первой ФЕ — громкий звон колокольна Ивана Великого и громкий крик глашатаев на Ивановской площади в московском Кремле; в основе предпоследней ФЕ — омонимия имени собственного и нарицательного: под руководством архитектора Н. П. Гребёнки в 1840–1870-е годы в Петербурге быстро, но без архитектурных излишеств было построено не менее 100 доходных домов, похожих один на другой; в основе последней ФЕ — межъязыковая омонимия: по-фински *liha* — «мясо»; мясными и молочными продуктами до гражданской войны Петербург снабжался из сёл финского пояса, который был вокруг города.

В разных регионах функционируют разные региональные фразеологизмы с одинаковым значением, которые возникают по разным, но сходным сценариям. Сравните: одесское *местечковое барокко* и петербургское *бенуёвские переделки* используются в значениях «архитектурная безвкусица» и «некачественный ремонт». Первая ФЕ основана на региональной отрицательной коннотации понятия *местечковый* (о человеке) — «ограниченный», «без особых талантов», «духовно бедный» и сценарии, в соответствии с которым из местечек Украины в Одессу часто («на халтуры» (шабашки) приезжали тамошние жители, представляя себе, что всё умеют; часто результаты их непрофессионального ремонта соответствуют степени их «талантливости»). Вторая ФЕ связана со сценарием дорогой перестройки фасада Гостиного двора в С.-Петербурге по проекту Альберта Бенуа в 1870-е годы. Эта перестройка заказчикам не понравилась, но прежний вид был возвращён зданию в 1947–1948 гг. в связи с его послевоенным восстановлением.

Между военными, служащими в сухопутных войсках и на флоте, издавна существует соперничество в плане социальной престижности. При Петре I привилегированное положение занимали моряки. Соперничество распространилось и на гражданскую сферу деятельности. После постройки

железной дороги быть железнодорожником стало социально престижным. Значение водного транспорта уменьшилось. Однако моряки не уступали, давая железнодорожникам прозвища, содержавшие отрицательную коннотацию. В Петербурге одно из них сохранилось до сих пор: *свисток с Балтийского вокзала*. Изначально в XIX в. моряки, для которых открыто целое Балтийское море, так называли железнодорожников, ограниченных тоже Балтийским, но лишь вокзалом, дававших сигнал, но не склянкой, а свистком и живших однообразной сухопутной жизнью, привязанной к рельсам. Однако семантическая структура этой ФЕ стала быстро расширяться и размываться, что свидетельствует о её жаргонизации. Сема ‘железная дорога’ оказалась скрытой, а яркими при архисеме ‘человек’ стали в одном случае семы ‘обманывать’ и ‘хвастать’, в другом — ‘незначительный’ и ‘маленький’. Известно, что уже в начале XX в. ФЕ *свисток с Балтийского вокзала* петербуржцы употребляли и продолжают употреблять вместо общеупотребительных *пустослов*, *болтун*, *обманщик*, *хвастун*, *задавака* и под., жаргонных *прыц* (на ровном месте), *мыльный пузырь*, *надувающий щёки*, «*деятель*» и вместе с ними; *свистком с Балтийского вокзала* сегодня также уничижительно называют низкорослого мужчину и любого «среднестатистического» гражданина, от которого мало что зависит. Сравн. с одесскими [14, с. 224–228]: *аицын* / *аг(у)ицын паровоз* (< идиш אָיזען פֿארבאנדל — «в паровозном жаре»), (в запале, в поту, с пеной у рта)), *пуриц* (< идиш פּוּרִיץ — «помещик») / *перец* (мимикрия на основе межъязыковой паронимии), *гройсер пуриц* (< идиш גרויסער פּוּרִיץ — «большой, великий, крупный»), *великий пуриц* / *перец*.

Н. Г. Арефьева, исследуя систему региональных фразеологизмов русских сельских говоров Одесской области, выделила 21 группу этих единиц по признаку различий лингвокультурного кода. Вот эти коды: хозяйственный, социальный, флористический, соматический, анималистический, свадебный, гендерный, природный, бытовой, предметный, гастрономический, временной, пространственный, духовный, космогонический, интеллектуальный, семейный, транспортный, антропонимический, ландшафтный, эмоциональный [1]. Анализу подверглись 328 ФЕ, выбранных из Словаря русских говоров Одесщины [13]. Почти все выделенные коды совпадают с теми, которые встречаются в системе городских фразеологизмов, однако следует отметить намного большее внимание горожан к фразеологизации артефактов и региональной топонимии, в том числе к названию улиц, городских районов. У сельских жителей региональная фразеология, по преимуществу, антропоцентрична. Например: *обселить основу* — «продеть продольные нити, идущие вдоль домотканого полотна»; *нема моду* — «не заведено, не принято»; *давать род* — «плодоносить»; *бабичья свадьба* — «угощение для женщин после венчания»; *хрустальная жена* — «жена (не первая) человека, женившегося в преклонном возрасте»; *старый парень* — «старый холостяк»; *брат под братом* — «младший брат»; *вгору кричать* — «петь высоким голосом» и др.

Выводы. Наше исследование показало, что фразеологизм как одна из лингвокультурных универсалий может функционировать в разных лингвокультурных пространствах. Изучение региональных фразеологизмов свидетельствует о том, что их основными чертами являются: территориальная ограниченность функционирования; трудности адекватного понимания значения носителями русского языка как родного, проживающими в других регионах; способность распространяться на другие территории и входить в общенациональный русский язык. Лингвокультурные коды региональных фразеологизмов городских и сельских локусов, в целом, совпадают, однако в городских ФЕ доминирует фразеологизация артефактов и местных топонимов, а в сельских диалектных ФЕ — фразеологизация антропоморфных понятий. Нам удалось установить зависимость прецедентности фразеологизма и хронотопа как закономерной связи пространственно-временных координат. Следует признать, что понятие прецедентного феномена в лингвистике непосредственно связано с понятиями доминанты и хронотопа. Сценарий поведения людей становится прецедентным на основе устойчивого доминирующего представления о чём-либо в рамках определённого хронотопа. С изменением доминанты восприятия процесса, действия, предмета, признака рождаются предпосылки к возникновению новых прецедентных феноменов и устареванию уже существующих. Процесс устаревания универсальных, межнациональных и национально-прецедентных феноменов длиннее во времени, чем процесс устаревания региональных, социумных, семейных ПФ. По мере распространения ПФ в коммуникативном пространстве постепенно происходит искажение сценариев их возникновения и стирание зависимости их функционирования от первичных сценариев. Следовательно, многие современные фразеологизмы, возникшие несколько веков назад в регионах и ставшие национальными, широко используются сегодня, но редко связываются носителями русского языка с первичными сценариями. Проходя рубеж такой зависимости, фразеологизм как лингвосомиотический феномен синхронизируется в речи, теряет очевидную в диахронии связь с прошлыми сценариями и ориентируется на семантическую сочетаемость в том или ином дискурсе.

Литература

1. Арефьева Н. Г. Фразеологическая картина мира сквозь призму лингвокультурных кодов (на материале русских говоров Одесщины) / Н. Г. Арефьева // Мова. — Одеса : Астропринт, 2017. — № 27. — С. 135–140.

2. Брысина Е. В. Этнокультурная идиоматика донского казачества / Е. В. Брысина. — Волгоград : Перемена, 2003. — 293 с.
3. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / Вильгельм фон Гумбольдт : [пер. с нем.; общ. ред. Г. В. Рамшвили] // Избр. труды по языкознанию. — [2-е изд.]. — М. : Прогресс, 2001. — С. 37–298.
4. Данилевская А. С. Отражение первичного локуса диалектоносителей во фразеологической картине мира (на материале русских говоров Приамурья) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 — русский язык / А. С. Данилевская. — Киев : КНУ им. Тараса Шевченко, 2017. — 256 с.
5. Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии / Л. А. Ивашко. — Л. : ЛГУ, 1981. — 111 с.
6. Кобелева И. А. Современная русская диалектная фразеология : лексико-грамматический и лексикографический аспекты : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 — русский язык / И. А. Кобелева. — Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 2012. — 355 с.
7. Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820–1956 гг.) : в 2 т. / Г. Г. Мельниченко. — Ярославль : Изд-во Ярославского гос. пед. ин-та, 1961.
8. Мосеев И. И. Поморская говора : Краткий словарь поморского языка / И. И. Мосеев. — Архангельск : Правда Севера, 2005. — 372 с.
9. Областной словарь вятских говоров / ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметанина. — Киров : ВГТУ, 1996–2008. — Вып. 1–5.
10. Подюков И. А. Культурно-семиотические аспекты народной фразеологии / И. А. Подюков. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. — 360 с.
11. Пойзнер М. Б. С Одессой надо лично говорить... (Из подсмотренного и подслушанного) / М. Б. Пойзнер. — Одесса : Друк, 2001. — 392 с.
12. Синдаловский Н. А. На языке улиц : Рассказы о петербургской фразеологии / Н. А. Синдаловский. — М. ; СПб. : Центрополиграф; МиМ-Дельта, 2006. — 264 с.
13. Словарь русских говоров Одесщины : в 2 т. / [ОНУ им. И. И. Мечникова; ред. Ю. А. Карпенко, С. Уэмура] Л. Ф. Баранник, Л. Н. Гукова, Л. И. Демьянова и др. — Одесса : Астропринт, 2000–2001.
14. Степанов Е. Н. Російське мовлення Одеси : монографія / Е. Н. Степанов. — Одеса : Астропринт, 2004. — 496 с.
15. Степанов Е. Н. Фразеология города как лингвокультурное пространство / Е. Н. Степанов // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. — Ізмаїл, 2008. — Вип. 25. — С. 130–135.
16. Степанов Е. Н. Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.02 — русский язык / Е. Н. Степанов. — Одесса, 2013. — 595 с.
17. Ухтомский А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. — СПб. : Питер, 2002. — 448 с.
18. Файтельберг-Бланк В. А. Бандитская Одесса : «Двойное дно» Южной Пальмиры / В. А. Файтельберг-Бланк, В. В. Шестаченко. — Одесса : Астропринт, 1999. — 629 с.
19. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / ред. А. И. Фёдоров. — Новосибирск : Наука. Сиб. отделение, 1983. — 232 с.

References

1. Arefieva, N. G. (2017), "Phraseological picture of the world in the light of linguocultural codes (based on the Russian dialects of Odessa region)", *Mova* ["Frazеologicheskaja kartina mira skvoz' prizmu lingvokul'turnykh kodov (na materiale russkikh govorov Odesshchiny)"], *Mova*, Astropoint, Odessa, vol. 27, pp. 135–140.
2. Brysina, Ie. V. (2003), Ethnocultural idiomatics of the Don Cossacks [*Etnokul'turnaja idiomatika donsogo kazachestva*], *Peremena*, Volgograd, 293 p.
3. Humboldt, W. von (2001), "On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind", *Selected Works on Linguistics*, 2nd ed. ["O razlichii stroenija chelovecheskikh jazykov i jego vlijanii na duchovnoe razvitie chelovechestva", perevod s nemeckogo; red. G. V. Ramishvili, *Izbrannye trudy po jazykoznaniju*, 2-oe izd.], Progress, Moscow, pp. 37–298.
4. Danilevskaya, A. S. (2017), *Reflection of the primary locus in the phraseological world picture of dialect-speaking people (with reference to Russian dialects of the Amur region): Thesis* [Otrazhenie pervichnogo lokusa dialektonositelej vo frazeologicheskoy kartine mira (na materiale russkikh govorov Priamur'ja) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.02 — russkij jazyk], Kiev Taras Shevchenko National University, Kiev, 256 p.
5. Ivashko, L. A. (1981), *Essays on the Russian Dialectal Phraseology* [Ocherki russkoj dialektnoj frazeologii], Leningrad State University, Leningrad, 111 p.
6. Kobleva, I. A. (2012), *Modern Russian dialect phraseology : lexico-grammatical and lexicographic aspects : Thesis* [Sovremennaja russkaja dialektnaja frazeologija : leksiko-grammaticheskij i leksikograficheskij aspekty : dis. ... dokt. filol. nauk : 10.02.01 — russkij jazyk], Syktyvkar State University, Syktyvkar, 355 p.
7. Melnichenko, G. G. (1961), *A short Yaroslavl regional dictionary combining materials of previously compiled dictionaries (1820–1956) : in 2 volumes* [Kratkij yaroslavskij oblastnoj slovar', objedinjajushchij materialy ranee sostavlennykh slovar'ej (1820–1956 gg.) : v 2 t.], Yaroslavl State Ped. Inst. Publishing House, Yaroslavl.
8. Moseev, I. I. (2005), *The Pomor speaking : A brief dictionary of the Pomor language* [Pomor'ska govorja : Kratkij slovar' pomorskogo jazyka], Pravda Severa, Arkhangelsk, 372 p.
9. Dolgusheva, V. G., Smetanina, Z. V. eds. (1996–2008). The regional dictionary of Vyatka dialects : in 5 issues [Oblastnoj slovar' vjatskikh govorov], Vyatka St. Technical Univ., Kirov.
10. Podyukov, I. A. (1997), *Cultural and semiotic aspects of folk phraseology* [Kul'turno-semioticheskie aspekty narodnoj frazeologii], Russian A. I. Herzen State Ped. University Publishing House, St. Petersburg, 360 p.
11. Pojzner, M. B. (2001), *You need to speak personally with Odessa...* (From peeped and overheard) [S Odessoj nado lichno govori't... (Iz podsmotrennogo i podslushannogo)], Druck, Odessa, 392 p.
12. Sindalovsky, N. A. (2006), In the language of the streets : Stories about Petersburg phraseology [Na jazyke ulits : Rasskazy o peterburgskoj frazeologii], Centropoligraf; MiM-Del'ta, Moscow & St. Petersburg, 264 p.
13. Karpenko, Yu. A., Uemura, S. eds. (2000–2001), *Dictionary of the Russian dialects of Odessa region : in 2 vol.* [Slovar' russkikh govorov Odesshchiny : v 2 t.], Astropoint, Odessa.

14. Stepanov, Ie. M. (2004), *Russian Speech of Odessa : monograph* [*Rosijs'ke movlennja Odesy : monografija*], As-troprynt, Odessa, 496 p.
15. Stepanov, Ie. N. (2008), "The city's phraseology as a lingual and cultural space", *Scientific Bulletin of Izmail State University of Humanities* ["Frazеологія goroda kak lingvokul'turnoe prostranstvo", *Naukovyj visnyk Izmail's'kogo derzhavnogo gumanitarnogo universytetu*], Izmail, vol. 25, pp. 130–135.
16. Stepanov, E. N. (2013), *Russian Urban Speech in the Multilingual Cultural Space of Odessa : Thesis* [*Russkaja gorodskaja rech' v polilingvokul'turnom prostranstve Odesy : dis. ... doktora filol. Nauk : 10.02.02 — russkij jazyk*], Odessa I. I. Mechnikov National University, 595 p.
17. Ukhtomsky, A. A. (2002), *Dominant* [*Dominanta*], Peter, St. Petersburg, 448 p.
18. Fajtelberg-Blank, V. A., Shestachenko, V. V. (1999), *Gangster's Odessa : "Double bottom" of the Southern Palmyra* [*Banditskaja Odessa : «Dvojnnoe dno» Juzhnoj Pal'miry*], Astroprint, Odessa, 629 p.
19. Fedorov, A. I. ed. (1983), *Phraseological dictionary of Russian dialects of Siberia* [*Frazеологический словарь русских говоров Сибири*], Nauka, Novosibirsk, 232 p.

СТЕПАНОВ Євгеній Миколайович,

доктор філологічних наук, зав. кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 048 7762277; +38 096 4966406; e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-5441-9822; SPIN-код 8665-0882

СЦЕНАРНА СПЕЦИФІКА РЕГІОНАЛЬНОЇ ФРАЗЕОЛОГІЇ

Анотація. *Мета* роботи — визначити риси, спільні для фразеологічних одиниць, що виникають на підставі місцевих / регіональних сценаріїв і функціонують у територіально обмежених локусах поширення російської мови. Крім того, автор зробив спробу встановити залежність прецедентного фразеологізму від хронотопу як закономірний зв'язок просторово-часових координат, а також схарактеризувати особливості функціонування місцевих фразеологізмів у локусах, різних за ознакою домінування в них соціального і / або професійного статусу російськомовного населення: в місті та селі. **Об'єктом** вивчення стали регіональні фразеологічні одиниці, суб'єктом — регіональні сценарії, які породжують прецедентні феномени, що зумовлюють процеси фразеологізації задіяних у них одиниць. **Результатом** цього дослідження є визначення таких основних рис регіональних фразеологізмів: територіальна обмеженість функціонування; труднощі розуміння значення носіями російської мови як рідної, які є мешканцями інших регіонів; здатність поширюватися на інші території та імплантуватися до загальнонаціональної російської мови. **Висновки** вказують на безпосередній зв'язок поняття прецедентного феномена в лінгвістиці з поняттями домінанти і хронотопу. Зі зміною домінанти сприйняття процесу, дії, предмета, ознаки виникають передумови до створення нових прецедентних феноменів і старіння вже наявних. У міру поширення регіонального фразеологізму в комунікативному просторі спотворюються сценарії їх виникнення і стирається залежність їх функціонування від первинних сценаріїв. Проходячи межу цієї залежності, фразеологізм як лінгвосеміотичний феномен синхронізується в мові, втрачає зв'язок з минулими сценаріями й орієнтується на семантичну сполучуваність у тому чи іншому дискурсі.

Ключові слова: регіональний фразеологізм, прецедентний сценарій, прецедентний феномен, російське мовлення, міське мовлення, діалект, лінгвокультурний.

Ievgenii N. STEPANOV,

Doctor of Philological Sciences (Grand PhD), Head of the Russian language Chair of Odessa Mechnikov National University; 24/26 Francuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine; tel.: +38 048 7762277; +38 096 4966406; e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-5441-9822; SPIN-code 8665-0882

SCENARIOUS SPECIFICITY OF REGIONAL PHRASEOLOGY

Summary. The *purpose* of this work is to define the features common to phraseological units that arise on the basis of local / regional scenarios and function in territorially limited regions of the spread of the Russian language. In addition, the author made an attempt to establish the dependence of the precedent of phraseological unit on the chronotope as a natural connection of space-time coordinates, and also to characterize the features of the functioning of local phraseological units in regions different in terms of social and / or professional status of the Russian-speaking population that dominates there: in the city and in the countryside. The *object* of study is regional phraseological units, the *subject* — regional scenarios, generating precedent phenomena. The *result* of this study is the establishment of such basic features of regional phraseological units: territorial limitations of functioning; difficulties in understanding its meanings by native speakers of the Russian language living in other regions; ability to spread to other territories and to enter the national Russian language. The *conclusions* point to a direct link between the notion of a precedent phenomenon in linguistics and the notions of a dominant and a chronotope. As the dominant of perception of the process, action, object, and attribute changes, prerequisites arise for the emergence of new precedent phenomena and for the obsolescence of existing ones. As the phraseological unit spreads in the communicative space, the scenarios for their occurrence are distorted and the dependence of their functioning on the primary scenarios is erased. Passing the boundary of this dependence, phraseological unit as a lingvosemiotic phenomenon is synchronized in speech, loses its connection with past scenarios and focuses on semantic compatibility in one or another discourse.

Key words: regional phraseology, precedent scenario, precedent phenomenon, Russian speech, urban speech, dialect, lingual & cultural.

Статтю отримано 30.09.2017 р.